

Рапорт минского губернатора З.Я. Карнеева от 6 июля 1797 г. о положении воссоединенных из унии в конце XVIII в.

Протоиерей Романчук Александр Александрович, кандидат богословия, заведующий кафедрой церковной истории Минской духовной семинарии

Захарий Яковлевич Карнеев (1747–1828) – государственный деятель, писатель, видный член масонского общества России, первый гражданский губернатор Минской губернии (1796–1806). По распоряжению императора Павла I в июне 1797 г. З.Я. Карнеев посетил 23 воссоединенных из унии прихода, располагавшихся в 7 уездах Минской губернии, в которых было замечено колебание прихожан в православном вероисповедании. Цель этой инспекционной поездки состояла в том, чтобы на месте в общении с людьми разобраться в возникшей ситуации. 6 июля 1797 г. Карнеев подал императору рапорт, в котором представил свое видение возникших проблем и предложил способ их преодоления [5, ст. 1559–1566].

Карнееву удалось выяснить, что при начале воссоединения униатов с православными, прихожане надеялись на то, что воссоединение будет общим, и они, во-первых, «не потеряют старинной между собою связи родства и знакомства» [5, ст. 1560], а, во-вторых, получат от государства «уменьшение всяких податей и работ» [Там же], что без всяких оснований обещали им местные чиновники. Помимо этого, Карнеев нашел, что в некоторых случаях среди униатских прихожан не наблюдалось общего желания присоединиться к православию, а того желала небольшая группа, представители которой, не уведомляя других, записывали их православными. В результате «в одних приходах, по обращении, очень мало людей ходили в благочестивую церковь, а в других и совсем никто, равно и священных треб не принимали в течении двух лет и более» [Там же]. Пока строгого разграничения православных и униатов не было, бывшие униаты продолжали беспрепятственно обращаться за требами к униатским священникам, «иные сами давали младенцам святое крещение; а многие приняли римско-католическое исповедание веры, яко то в двух приходах Вилейского повету все жители вообще то учинили» [5, ст. 1560–1561]. Мнение Карнеева о недостатках воссоединении екатерининского времени подтверждается воспоминаниями Г. Добрынина [2, с. 296–302].

Согласно рапорту Карнеева православные священники в таких обстоятельствах часто оказывались в своих церквях в одиночестве, бедствовали, лишившись доходов от паствы. Это заставляло их принуждать прихожан ходить в церковь и принимать православные требы против их воли, а также жаловаться на прихожан и обвинять во всяких неблаговидных поступках соседних униатских священников «от чего множество заведено следствий, и народ большою частью безвинно подвержен истязанию» [5, ст. 1561].

Карнеев всю вину за сложившуюся неблагоприятную ситуацию возлагает на православное духовенство, поскольку считает, что к 1797 г. власти сумели полностью

оградить воссоединенных от влияния униатского духовенства и помещиков-католиков [5, ст. 1561]. Это мнение выглядит странно. Как известно господствующее положение полонизма и католичества латинского обряда, а также экономическое благосостояние правящего класса западных губерний, состоявшего из католической шляхты, не было подорвано. В таких условиях защитить воссоединенных из униатов людей было невозможно. Карнеев, будучи государственным функционером высокого ранга, не мог в этом отношении обманываться. Его мнение о виновности православного духовенства в проблемах воссоединенных можно объяснить тем обстоятельством, что он был видным масоном, поддерживавшим тесные связи с А.Ф. Лабзиным [4]. Для людей его круга, интересов и убеждений конфессиональная и этнокультурная политика императрицы Екатерины II в приобретенных от Польши губерниях была неправильной, а потому он позволял себе критиковать ее и возводить вину за проблемы на православное духовенство. Тем более, что он знал о сложном отношении нового императора ко всем начинаниям своей матери и его симпатиям к католичеству.

3.Я. Карнеев видит три причины сложившейся неблагоприятной для православия ситуации.

Первая, состоит в слишком поспешном и неправильно организованном обращении униатов, когда чиновники не убеждались в общем желании крестьян перейти в православие, а православные священники-миссионеры не прилагали должных усилий для убеждения людей в истинности православной веры. Зачастую воссоединение состояло в том, что церкви объявлялись православными, и главное внимание присланными из Смоленской епархии православными священниками уделялось правильному исполнению непривычных белорусскому населению обрядов. При этом Карнеев подчеркивает, что простые униаты привыкли в церквях слушать поучения на польском языке, чего присланные православные священники из-за недостаточной образованности выполнить не могли, «чрез что совершенно сделались отвратительными народу» [5, ст. 1561–1562].

Вторая причина, по мнению губернатора, заключается в отчуждении воссоединившихся с Православной Церковью и оставшихся униатами. Карнеев подчеркивает, что народ не имеет твердого «понятия о униатском исповедании веры, ни мало не противится и благочестивому; но тем токмо огорчен, что, по обращении церквей их из униатских в благочестивые, лишились они всех выгод, коими прежде пользовались, а именно перестали униатские священники из соседних приходов ходить к ним с крестами и образами, в храмовой и прочие праздники для процессии, от чего по местечкам и селам пресеклось стеченье народа, убавились торги и ярмарки; лишились жители средств продавать свои продукты и покупать нужное; забавы и свидания с родными из других деревень прекратились, и они увидели себя вдруг аки осиротевшими и отчужденными от всякого сообщества: ибо, за строгим запрещением униатским попам давать требы прихожанам благочестивых церквей, не принимают их нигде в праздники и по другим селениям, но бегают и чуждаются» [5, ст. 1562].

Обособленное положение немногочисленных православных приходов среди множества униатских люди переживали тяжело. Поэтому некоторые из

воссоединенных, не понимая разницы между православием и унией, желали, чтобы все сельские общины были одинаково либо униатскими, либо православными «дабы по прежнему иметь сношение со всеми беспрепятственное и пользоваться общими для жизни выгодами» [5, ст. 1562–1563].

Третья причина проблем видится Карнееву в том, что православные храмы находятся в упадке. Приходы из-за своей малочисленности не соответствуют своему статусу и не могут содержать свои церкви в надлежащем благолепии. Поскольку «нет и не было общей и доброй воли поселян к принятию благочестия, а большая часть держится униатства, некоторые же сделались римскокатоликами, то и остаются повсюду обращенные на благочестие церкви пусты, без всякого необходимого благолепия, так что священникам совершать богослужения не на чем» [5, ст. 1563].

Во всех исследованных православных приходах З.Я. Карнеев не обнаружил единодушной твердости прихожан в православии. В то же время он сообщает, что никто из верующих не стремится обратно в унию, но только люди желают восстановить вероисповедное единство со своими соседями и родственниками.

Это наблюдение подтолкнуло Карнеева к изучению настроений и пожеланий униатских священников. В разговорах с ними он выяснил, что они видят разницу между православием и унией в признании униатами Римского Папы главой Церкви и исповедании ими исхождения Святого Духа от Отца и Сына. В остальном опрошенные священники полагали, что православие и уния «в существе суть едино, и все богослужение производится по русским книгам грекокатолического исповедания» [5, ст. 1564].

Разузнав это, Карнеев спрашивал: «Для чёго же, ведая основание вер сих в существе единым, не стараются они присоединиться к господствующей грекокатолической (т.е. православной – грекокафолической – А.Р.) вере, так как предки их по единому господству римскокатолической веры сделались униатами, на что от многих ученых и хороших поведением попов, по некоторой беседе с ними, видел довольною преклонность и желание присоединиться, но останавливает их одна опасность духовного своего начальства, которое, удержав прочих униатами, может и их подвергнуть подобным обстоятельствам, в каких находятся 23-ть приходов, обращенных на благочестие» [5, ст. 1564].

Далее Карнеев предлагает проект не только исправления межконфессиональной ситуации, но и дальнейшего воссоединения униатов.

Он сообщает императору, что предложил Архиепископу Минскому и Волынскому Иову (Потемкину), чтобы тот распорядился не препятствовать православным прихожанам обращаться за совершением треб к униатским священникам, что и было исполнено. Тем самым, по мнению минского губернатора, снималось межконфессиональное напряжение [5, ст. 1565]. Затем он советовал местному епархиальному начальству обратить внимание на подбор православного духовенства. Нужно было отказаться от приглашения священников со стороны, а привлекать к

приходскому служению лишь местных священнослужителей, владеющих польским языком и «искусных к научению народа» [5, ст. 1564].

Удивительно, что З.Я. Карнеев решал вопросы такого масштаба без обращения к руководству Православной Церкви, но его инициатива с позволением верующим обращаться за духовными требами к священнослужителям разных конфессий была направлена не только на успокоение межконфессиональной ситуации, но и на продолжение воссоединения униатов.

Дело в том, что такое разрешение вело к хаосу, когда невозможно было разобраться – к какой конфессии относятся люди, прихожанами какого храма – православного или униатского – они являются. Это было нарушение порядка, в исправлении которого были заинтересованы священники как Православной, так и Униатской Церквей. Поэтому вполне логичным представляется следующее предложение Карнеева, состоящее в том, чтобы для сохранения общего порядка обязать униатские приходы подчиняться Минскому архиепископу Иову в ведении метрических книг и составлении ведомостей наравне с православными приходами. Карнеев объяснял это нововведение тем, что униаты никогда прежде не заводили у себя правильный порядок метрических записей, а униатское начальство было слишком удалено и не могло следить за исполнением этой обязанности приходским духовенством. Минский губернатор полагал, что будет полезно подчинить архиепископу Иову униатов в ведении церковной документации, касающейся фиксирования актов гражданского состояния. Этим средством, пишет Карнеев, «сохранится сведение о соблюдении народом обязанности своей по совестному каждого исповеданию веры» [5, ст. 1565].

Далее Карнеев описывает последствия такого шага. По его мнению, тесное взаимодействие униатских священников с Минским православным епархиальным начальством может подтолкнуть униатов к сближению с православными и даже к переходу униатских священников в православие вместе со своими приходами. Карнеев считает такую надежду оправданной, т.к. отмечает тесную связь униатского духовенства, о котором он отзыается очень высоко, считая его высокообразованным, ведущим благочестивый образ жизни и деятельно наставляющим народ словом проповеди, и простого униатского народа, доверительные отношения между ними, так что народ «готов следовать за ними повсюду» [5, ст. 1566].

Т.о., Карнеев считал главным обращение в православие униатских священников. Чтобы облегчить им присоединение к Православной Церкви, он советовал оставлять им латинское священническое одеяние и бритье бород. В церквях Карнеев советовал на первых порах ничего не менять, в частности не настаивать на восстановлении иконостасов «ибо перемена вещей сих великое имеет влияние на народ, который и могут и умеют держать они в повиновении» [5, ст. 1566].

Анализ рапорта З.Я. Карнеева открывает, что минский губернатор на основании лично собранной информации предлагал продолжить воссоединение униатов, используя иерархический подход, т.е. не обращаясь к простым верующим, относясь терпимо к их привычкам и сложившимся церковным традициям. При этом он советовал организовать тесное соприкосновение православного священноначалия и униатского

духовенства, а также не требовать перемены священниками своего внешнего вида. Все эти элементы присутствуют как в первом, так и во втором плане проекта, разработанного впоследствии митрополитом Иосифом (Семашко).

Рапорт минского губернатора сыграл значительную роль в конфессиональной политике в западных губерниях в правление Павла I. Во-первых, он повлиял на решение императора подчинить униатов власти латинского священноначалия; во-вторых, Павел I попытался, правда, безуспешно, реализовать содержащиеся в нем предложения продолжить воссоединение униатов [1, с. 267–283]. Однако, значение рапорта З.Я. Карнеева состоит в другом. Его текст стал известен Иосифу (Семашко) в начале 1828 г. Об этом свидетельствует «Записка об упразднении греко-униатских монастырей в Западной России», датированная 28 февраля 1828 г. и подготовленная в канцелярии министра народного просвещения А.С. Шишкова при участии прелата Иосифа. В этом документе мысли Корнеева кратко разбираются и критируются [3, с. 525]. Они не легли в основание первого плана воссоединения униатов, разработанного в 1828 г. Однако, при составлении второго плана проекта воссоединения Семашко не просто учитывал, но использовал идеи З.Я. Карнеева, заключавшиеся в том, чтобы: 1) подчинить униатское духовенство руководству Православной Церкви с целью постепенного слияния униатских духовных лиц с православным клиром; 2) не требовать от греко-католических священнослужителей, склонных к православию, перемены их внешнего вида, чтобы облегчить для них переход в православие.

Т.о., рапорт минского губернатора З.Я. Карнеева представляет собой чрезвычайно интересный и важный источник, иллюстрирующий сложность межконфессиональных отношений на приобретенных Российской империей от Речи Посполитой территориях. Помимо этого, он проливает свет на разработку конфессиональной политики России на белорусских землях в конце XVIII в. Наконец, идеи, высказанные З.Я. Карнеевым в значительной степени повлияли на подготовку общего воссоединения униатов с православными, совершившегося в 1839 г.

1. Галанов, М.М. Политика российского самодержавия и позиция Русской Православной Церкви в отношении католиков и униатов в годы царствования Павла I : дисс.... доктора наук : 07. 00. 02 / М.М. Галанов. – Санкт-Петербург, – 2014. – 536 с.
2. Добрынин, Г. Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и в Витебске. 1752–1823: в 3 ч. / Г. Добрынин. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Печатня В.И. Головина, 1872. – 380 с.
3. Записка об упразднение греко-униатских монастырей в Западной России 28 февраля 1828 года // Русская старина. – 1870. – Т.1. – С. 517–538.
4. Письма А.Ф. Лабзина к З.Я. Карнееву // Русский Архив. – 1892. – № 12. – С. 353–392.
5. Рапорт Минского губернатора Корнеева имп. Павлу о Православии в Минской губернии. 6 июля 1797 г. // Русский архив. – 1869. – Т. 12. – Стлб. 1559–1566.